

КНИГА ЗА КНИГОЙ



А. Трин
ИСТОРИЯ
ОДНОГО ЯСТРЕБА

*Издательство
„Детская литература“*



А. ГРИН

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЯСТРЕБА

Рассказ-быль

Москва
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1973

P2
Г85

Рисунки А. Келейникова

Грин А.

Г85 История одного ястреба. Рис. А. Келейникова. М., «Дет. лит.», 1973.

32 с. с ил. (Книга за книгой).

В книге всего один рассказ Александра Грина, но очень интересный; вы узнаете о ястребе Гуле, дикой птице, которую приручил человек. О жизни А. Грина, о том, как он стал писателем, вы узнаете из небольшого предисловия Владимира Сандлера.

Г $\frac{0762 - 002}{101 (03) 73}$ 163 — 73

P2

Человек с планеты „Мечта“

*Грин тревожит человеческое сердце
призывом к совершенству.*

К. Паустовский

11 ноября 1903 года в Севастополе, на Графской пристани, за революционную агитацию среди солдат крепостной артиллерии был арестован двумя здоровенными жандармами неизвестный молодой человек. На допросе он назвал себя Григорьевым, на все другие вопросы следователя отвечать отказался. Его отвезли в тюрьму.

17 декабря в два часа дня во время прогулки Григорьев попытался бежать. Он выбежал во двор, где находились бани, сбросил пальто и кинулся к верёвке, переброшенной через стену его друзьями. Конец верёвки болтался довольно высоко. Григорьев всё же допрыгнул, но подняться не смог: прибежавшие надзиратели стащили его вниз. Григорьева посадили в одиночку. Через два года, выйдя из тюрьмы, он узнал, что друзьями было куплено парузное судно, которое увезло бы его в Болгарию...

Под фамилией Григорьева скрывался революционер Александр Гриневский, будущий писатель Александр Грин.

Это был высокий, широкоплечий и очень худой человек. Ходил он тяжело, как надорванные работой

люди, постоянно о чём-то думая, мечтая. Он не любил рассказывать ни о себе, ни о своих книгах чужим людям, да и близким без особой охоты. Он считал сказанное потерянным. Не многие знали, что за суровой внешностью его бьётся легко ранимое и по-детски доверчивое сердце.

Прежде чем стать писателем, Грин прошёл суровую школу жизни. Он был матросом, бродягой, золотоискателем, лесорубом и сплавщиком леса, рабочим железнодорожных мастерских, банщиком, писцом, землекопом, пекарем, рыбаком, плавал на барже судовладельца Булычова, служил в армии.

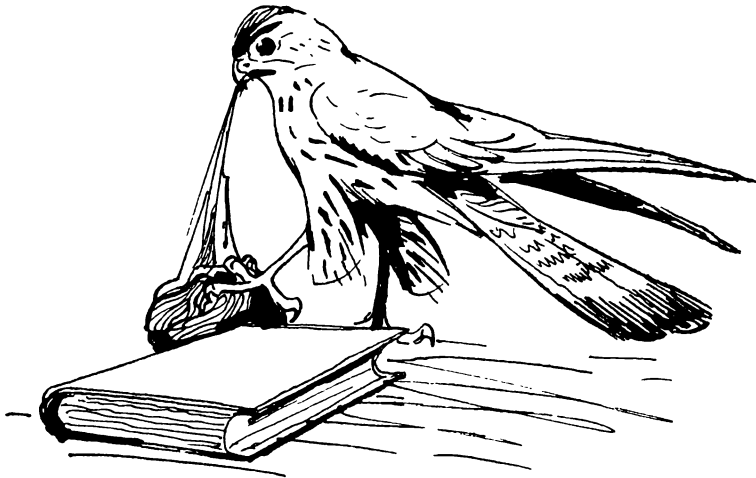
Тяжёлая жизнь не ожесточила Грина, не сделала из него злобного мещанина. Александра Грина спасла верная и нежная спутница всей его жизни — Мечта.

Он написал много книг, книг солнечных, жизнерадостных, дерзких. В книгах Грина много фантастического, тесно переплетающегося с самым обыкновенным, будничным. Это придаёт им острую занимательность и необыкновенность.

Но сюжет для Грина — дело второстепенное. Бережно и чутко пишет Грин о человеке, о его поступках, мыслях, чувствах! Герои его книг — наивные, бесхитростные мечтатели и фантазёры, бороздящие моря на стремительных кораблях. Они хорошо знают, что такое дружба, любовь, верность и «вовремя сказанное хорошее слово».

Книги Грина учат мечтать, понимать красоту мира, учат ненавидеть всё грубое, пошлое и злое, учат побеждать.

Владимир Сандлер



ИСТОРИЯ ОДНОГО ЯСТРЕБА

Рассказ-быль

I

Сейчас, когда я пишу это краткое повествование о детстве, возмужалости, путешествиях и несчастиях ястреба, названного мною Гуль-гуль (хоть привык кликать его сокращённым „Гуль“), этот самый Гуль сидит на моём правом плече и внимательно наблюдает движение руки с пером по бумаге.

Вскоре он понял, что происходит: „Человек рассказывает о птице. Птица — это я“. Установив факт, Гуль начал чиститься. Он встряхнулся так, что все его перья отделились одно от

другого, провёл остро загнутым клювом по рулевым перьям хвоста и маховым — крыльев, сунул голову под крыло, вздыбил там и перечистил всё, что и где мог достать, пощипал грудь, поскрёб кожу между пальцев, оправил крылья, вновь сложил их, встряхнулся, так сказать, набело. И вот мгновенно исчез взъерошенный образ: перья легли рядком на своё место, красивая небольшая птица облетела рабочую комнату автора на высоте, доступной ему лишь с помощью стула. Сев теперь мне на левое плечо, Гуль заглянул в лицо с тем „полным понимания выражением глаз“, которое так восхищает нас у животных.

Я дал Гулю утреннюю порцию мяса, которое он терзает теперь, сидя между записной книжкой и пресс-папье, и перевернул страницу.

II

Кто ездил по дорогам Крыма, тот, конечно, помнит сидящих на проводах телеграфа ястребов-кобчиков. Величина кобчика равна величине дикого голубя (вахиря); оперение коричневое с серо-жёлтой грудью и серым брюш-

ком. Перистые штаны, достигающие коленного сустава, тоже серые. Сидящий на проволоке кобчик напоминает зачернённую букву „ф“.

В полёте он кажется большим, так как размах его крыльев — более фута. Полёт кобчика быстр и беззвучен. Кобчиков называют ещё — „тювики“, „осоеды“, „сарычи“. Относительно „осоедов“: я никогда не видал, чтобы Гуль ел ос, хотя очень много было ос в Старом Крыму (уездный город, 22 километра от Феодосии), — так много, что невозможно было обедать в саду. В высшей степени нахально садились они на мясо, хлеб, фрукты; выли и стонали вокруг лица так, что обед или чаепитие превращались в грубую самозащиту. Но когда Гуль сидел больной в клетке, подвешенной над позеленевшим от плесени каменным столом, в тени старой черешни, где шлялось особенно много ос, — в клетке всегда лежало мясо, — осы пожирали мясо, но Гуль не пожирал ос. Я думаю, что он их презирал.

Пища кобчиков на свободе состоит из ящериц, лягушек, мелких птиц и мышей.

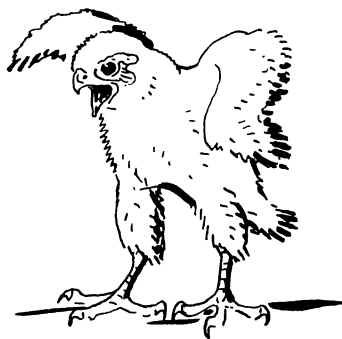
III

В конце июня 1929 года шёл мимо Галереи Айвазовского мальчик с большой корзиной. Из корзины нёсся отчаянный вопль: „Ке-ке-ке-ке!“ — и что-то хлопало. Это был двухнедельный Гуль, выпавший из гнезда и живший теперь у подобравшего его мальчика.

Заинтересованный писком, я увидел нескладное пушистое существо, очень похожее на цыплёнка, только с клювом такой формы, от которой цыплёнку несдобровать. Ястребёнок был большеголов, дик и драчлив. Между прочим, Гуль всегда выказывал безумное мужество¹, не считаясь никогда с силами противника, — человека, собаки, котёнка. Если враг, по его мнению, требовал острастки, Гуль яростно кидался на него, издавая свой боевой крик: „Ке-ке-ке-ке!“, и грозно махая крыльями. Но он почему-то боялся индеек и однажды обратился в бегство при виде стада этих глупых птиц, сонно подходивших рассмотреть ястреба.

¹ Он меня однажды напугал: рассердясь, начал наскакивать на меня с криком (по полу — летать еще не умел). Я невольно попятился. — А. Г.

В мире животных меня более всего привлекают птицы. Как мысль человека — они свободны, потому что летают где и когда хотят. У нас, людей, нет этого дара. Я могу часами наблюдать полёт птиц и, скажу откровенно, с завистью. Так вот, я купил Гуля у мальчика за рубль, а донёс свою покупку домой с трудом, потому что Гуль бился, царапался и кусался отчаянно. Я устроил ему жилище в ящике из-под фруктов, затянув открытую сторону ящика провололочной сеткой, а внутрь я поместил камень — будто скала! Ещё поставил я жестянку с водой, набросал хлеба и натыкал разных веток, чтобы было зелено Гулю, каменисто, весело. Одним словом — я увлёкся птицей, даже в мыслях у меня не было, что ястреб делается ручным, — я хотел вырастить его и отпустить.



Домашние прозвали меня „мамкой“. Действительно, Гуль, завидев меня, тотчас подбегал к решётке, ожидая лакомого кусочка. Он вначале ел всё:

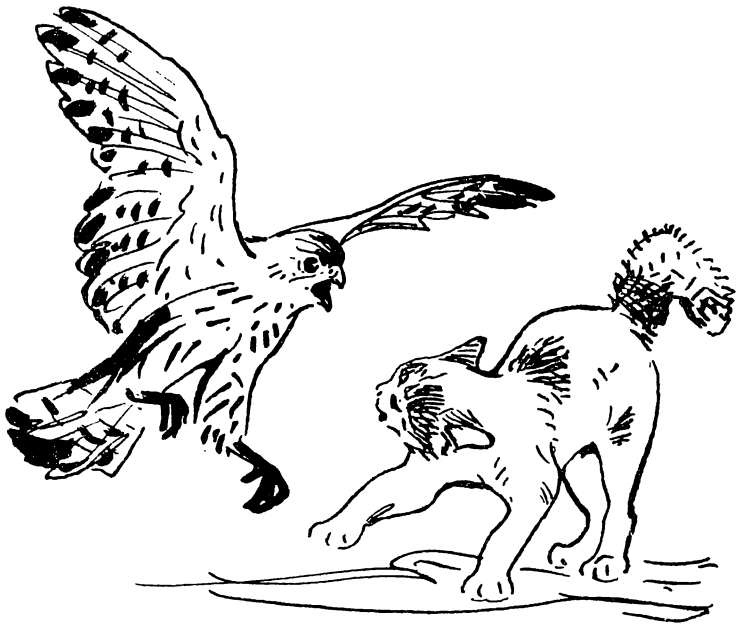
хлеб, яблоки, сыр, арбуз, — но раз отведав сырого мяса, ел вегетарианскую пищу только в случае крайней необходимости, когда был голоден.

Поев, Гуль охорашивался, чистился и вспархивал на свой камень, где тотчас гадил. На камне он проводил часы размышления, а проголодавшись, прыгал около проволоки, всё время пытаясь её разогнуть.

К настоящему времени вкусы ястреба определились в таком виде: сырое мясо, сырое мясо превыше всего! Но, странно сказать, он полюбил также макароны. С макарониной в лапе, сидя на жёрдочке, Гуль напоминает старичка учёного средних веков, вооружённого свитком своего реферата. Если он наелся, а макароны остались, то, разжав лапку, Гуль предоставляет огрызку падать, а сам уютно вытягивает голову в плечи.

IV

Дикий ястребёнок долго, с трудом привыкал к рукам человека. Первую неделю пальцы мои были искусаны до крови. Когда надо было вытащить Гуля из ящика, чтобы вымыть нижнюю



доску, загаженную резко пахучими белыми шлепками птицы, евшей вначале очень много, — Гуль сопротивлялся до последней возможности. Всегда под рукой был йод для смазывания раненых пальцев. Вытащенный из клетки Гуль сидел на руке довольно спокойно, но даже при намёке на прикосновение норовил хватить клювом возможно больнее; ещё хуже бывало, если он сначала с быстротой молнии хватал лапкой палец, а уже затем начинал терзать его своим клювом.

— Дьявол! Чёрт кровожадный! — восклицала моя тёща О. А., которую

хищный Гуль заставлял содрогаться каждым своим движением. Однажды я взял котёнка (прелестный серый котик!) и поднёс его к Гулю. Ястреб попытался, вытянулся в струну и кинулся на беднягу, издав свой боевой клич: „Ке-ке-ке-ке!“, причём так хватил котёнка за ухо, что тот вырвался из моих рук и спрятался под диван.

Пока происходила уборка ястребиной квартиры, Гуль, протопав по комнате, забивался в угол меж грудой книг и печкой, вспархивал на книги и наглядно доказывал там всю мощь своего чудовищного пищеварения.

Через восемь дней после того, как я купил ястреба, он начал привыкать к обстановке, дичился меньше, подрос; молодые перья хвоста и крыльев ощутительно выровнялись. Всё ещё хотелось ему кусаться: поднося мясо к решётке, я нередко получал удар в палец. Гуль вырывал мясо из руки и пожирал его с причмокиванием — „цвик-цвик!“

Мы с женой уехали в Старый Крым, откуда я вернулся через две недели.

В ящике на камне сидел блиставший красотой первого полного оперения

молодой ястреб. Он не сразу узнал меня: всматривался долго с сомнением; наконец признал, выразил это так: когда я открыл проволочную загородку, Гуль смело сел мне на рукав.

И тотчас укусил, как только я захотел погладить его.

v

Рассказ О. А. меня ужаснул: оказалось, Гуль так напугал её ударами в палец, когда хватал из рук мясо, что она стала подавать ему пищу на конце медного разрезного ножа, а Гуль, сидя на своём камне, величественно принимал подношение. Кроме того, выпущенный мною из ящика, он, беззастенчиво шляясь по всем комнатам, не давался в руки и оставлял знаки своего пребывания на мебели. Я начал ловить Гуля; он отлетел, побежал по полу, долго пятился задом и лишь после долгих упрашиваний сел на рукав. Тогда вверг я его в узилище, наслушавшись птичьей брани и получив несколько здоровенных щипков.

Так как Нина Николаевна разрешила мне выпустить ястреба без неё, то

вечером того же дня я не без волнения посадил Гуля на руку, досыта покормил его и вынес во двор.

— Гуль, — сказал я, — это свобода, понимаешь? Свобода! Это твоя жизнь!

Каюсь, я поцеловал его в спинку, но так быстро, что он не успел куснуть.

Волнение, боязнь неведомого и голос инстинкта светились в умных чёрных глазах птицы. Он весь дрожал, взглядывал на деревья, небо, крышу, но не слетал с руки. Я тронул его за хвост. Гуль перелетел на ветку уксусного дерева и вдруг детским движением бросился мне на грудь.

Прослезившись, я унёс Гуля в комнаты, где некоторое время ходил с ним, сидящим на рукаве, не зная, что делать. Окна были раскрыты. Я поднёс Гуля к окну и отпустил его. Гуль тотчас слетел на подоконник, с подоконника на мостовую, оглянулся, повернулся — и решительно влетел в комнату, сев мне на голову.

При таких обстоятельствах лишь жестокое сердце решилось бы насильно гнать птицу. Обласканный безмерно мясом и словами, Гуль переночевал в

ящике, а утром я посадил его в клетку, оставшуюся у меня от выпущенных на волю чижей, и повёз на автомобиле в Старый Крым. Клетка была обвязана платком. Трясло, но Гуль сидел смирно, прижавшись к прутьям. Взглядывая сверху сквозь складки платка, я встречал изумлённый взгляд птицы. Ни одного крика. Несколько ошеломлённый ездой, Гуль прибыл к нетерпеливо ожидавшей его Нине Николаевне (по телефону я сказал, что Гуль едет). Тотчас мы выпустили его, и на этот раз дело пошло удачнее: едва я открыл дверцу, как ястреб выскочил на порог клетки, помедлил одно мгновение и плавно перелетел на горизонтальный сук орехового дерева. Он переживал очарование, понятное даже нам, людям: сад, горный воздух, горы вдали, небо и уверенность в крыльях. Осмотревшись, Гуль взмахнул крыльями и описал над садом три круга.

— Осматривается, запоминает место, — сказал наш квартирохозяин, садовник Шемплинский (все собрались смотреть первый выход Гуля на широкую дорогу самостоятельной жизни).

Некоторое время ястреба не было видно за вершинами тополей. Когда он вновь показался, осмотр, надо думать, был кончен, так как Гуль резко пошёл вверх: он уменьшался, исчезал, стал, наконец, едва заметной точкой вверху. Закинув голову, с завистью смотрел я, как он летит там, где плавали и другие точки. Вдруг точка-Гуль начала падать почти отвесной линией, закатилась куда-то между городом и горой Аргамыш и исчезла. Начал Гуль сразу охотиться или не стерпел разрежённого воздуха по непривычке к высоте, — я не знаю; он мне никогда о том не сказал.

— Вот и улетел наш Гуль, — сказала Нина Николаевна, растроганная зрелищем. — Ну, вот... Ну и пусть он живёт свободно.

Все мы — Шемплинский, его жена, я и Нина Николаевна — долго спорили, вернётся ястреб или нет. Втайне я надеялся, был даже уверен, что он вернётся, остальные выразили сомнение: „Дикая птица!“ А так как весь день не было и следов Гуля, я тоже наконец поверил, что Гуль с нами простился.



Уже село солнце, когда я и Нина Николаевна возвращались с обычной прогулки.

— У вас гость! — весело улыбаясь, сказала Шемплинская, едва мы вошли в калитку.

К великой радости нашей и удивлению, произошло следующее: на заходе солнца Гуль прилетел, посидел на крыше и спустился на дерево перед окном. Хозяйка взяла его¹ и посадила в клетку, куда он прыгнул охотно.

Удивлению нашему не было конца.

¹ Дал взять себя очень спокойно! — А. Г.

Мы накормили Гуля варёным мясом; я подвесил клетку к верёвке, протянутой между беседкой и деревом, чтобы кошка не схватила птицу (кошки ломают клетки), а наутро Гуль опять улётел, возвратившись вечером, как к себе домой. Тут я сделал ошибку, начав его ловить, чтобы посадить на ночь в клетку; ястреб дал поймать себя, но потом, как близко ни садился ко мне, схватить его я уже не мог.

С третьего дня свободы Гуль установил для себя такой режим: утром он сидел на трубе дома, махая крыльями и криком требуя пищи. Вначале я бросал ему на крышу мясо, сливы и куриные кости; ястреб слетал, схватывал добычу, делал по саду круг и усаживался терзать провизию на задней стороне трубы, так что виден был только хвост,двигающийся то вверх, то вниз. Затем Гуль улётал в горы; иногда он проводил часть утра, сидя на перилах балкона соседнего здания — больницы. Спал Гуль где-то вблизи на дереве, но где именно — установить не удалось. Я начал приучать его брать мясо из рук; пококетничав сколько мог, но не больше размеров аппетита,

ястреб слетал, схватывал мясо из протянутой вверх руки, облетал вокруг сада и усаживался на свою трубу. Однажды Гуль сел мне на голову, правда, тотчас слетев, и Нина Николаевна говорила, что, восхищённый, я пробормотал: „Ах ты, прелесть моя!“

Случилось так: мы ушли гулять в горы. Над нами довольно высоко, медленно, по направлению нашего пути, пролетел ястреб.

— Это Гуль, — сказала Нина Николаевна. — Он провожает нас.

Я не поверил, а на обратном пути, через час или два, когда мы подходили к дому (дом стоял в цветочном и фруктовом саду), я опять увидел ястреба, тотчас признав Гуля, так как птица летела низко. Узнал — значит, угадал, потому что все кобчики похожи один на другого. Ястреб, увидя нас, скрылся за тополями сада, сев, должно быть (как я подумал), на крышу. Через минуту вошли мы. Точно: Гуль сидел на своей трубе, взмахивая крыльями и крича: „Пи-пи-пи!“ — то есть: „хочу есть“. Хозяин сказал, что Гуль только что прилетел перед нами.

Когда утром я выходил из дома, Гуль,

увидев меня, немедленно начинал кричать и махать крыльями. Разумеется, я исполнял его просьбу.

Бывало, что Гуль вечером опускался с крыши на площадку перед домом и бегал; как курица, среди клумб, давая подходить вплотную к себе, но тронуть не позволял: улетал на крышу.

Компания актёров, знакомых наших хозяев, пила чай на каменном столе под старой черешней. Вдруг Гуль прилетел и сел посредине стола, вызвав переполох; видя, что сидят чужие, ястреб поспешил на трубу.

Больница, как я сказал, была рядом, сквозя через живую изгородь. Однажды медлительный пьяный бас горько проговорил у окна нижнего этажа больницы:

— То Бьянку¹ зовут, то Гуля какого-то кличут, то орла какого-то ищут! Ничего не понимаю!..

В соседнем фруктовом саду сторож каждый день стрелял дроздов, портящих груши, и, когда Гуля долго не было, я пугался, слыша непрерывные выстрелы. Гуль легко мог стать жерт-

¹ Девочка, дочь хозяина. — А. Г.



вой охотника, сев на дерево в том саду. Однако, как только солнце начало садиться, — бесшумно, неуследимо Гуль появлялся на своей трубе, заворачивал голову под крыло и чистился.

Так прошло три недели. В конце третьей недели два ястреба, играя, пролетели над крышей: один (Гуль) сел на трубу, а второй, приветливо крича, улетел. То был приятель Гуля или... или его подруга.

VI

У старика Шемплинского были две кошки: старый кот Айша, ленивое, добродушное животное, и проворная молодая Белка, белая кошка с зеленовато-мерцающими глазами. Белка часто смотрела на ястреба, когда он бежал перед домом или сидел низко

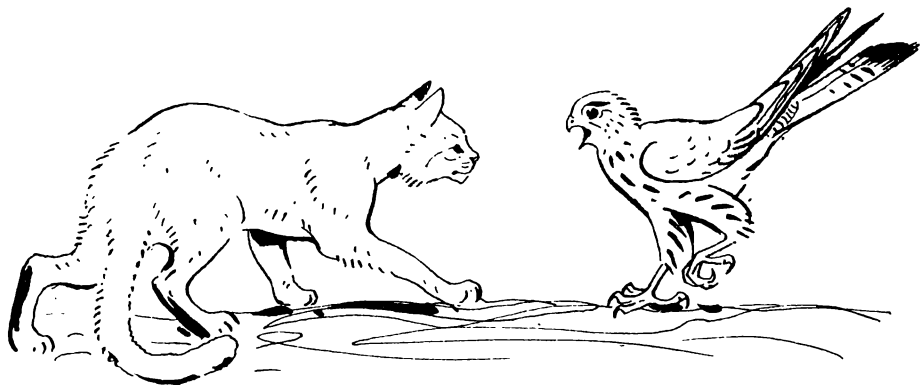
на ветке, но мы отгоняли её по причине крайней напряжённости её взгляда на птицу.

Кухня стояла отдельно от дома. Крыша кухни была значительно ниже крыши жилого здания, — плоская, слегка покатая крыша из черепицы. Вплотную к кухне примыкало ореховое дерево (грецкий орех).

Утром Гуль сидел на воронке сточной трубы крыши жилого дома. Я бросил ему куриную кость на крышу кухни и ушёл в свою комнату.

Едва совершенно беспричинно успел я подумать, что Белка может схватить Гуля, как отчаянный крик — плач ястреба — выбросил меня в сад. Прошла всего минута, но страшное уже совершилось: Шемплинский, стоя перед кухней, держал в руке умирающую птицу. Она слабо подёргивалась, глаза её закатились, одно крыло было смято и висело, на шее проступала кровь.

Произошло следующее: Шемплинский, услышав крик Гуля и возню на дереве, выскочил из кухни и камнем сбил Белку, закусившую ястреба сверху плеч, так что из её рта беспомощ-



но торчали распростёртые крылья. Кошка выпустила ястреба, и он упал на траву.

Я взял Гуля, почти плача; Нина Николаевна плакала. Ястреб лежал на моей ладони с затянутыми предсмертной плёнкой глазами, свесив голову. Он был тёплый, сердце билось слабо. Тотчас я подставил Гуля под кран и начал отливать водой. Прошло минут пять; наконец, задохнувшись от попавшей в рот воды, Гуль хлопнул здоровым крылом. Он сел, качаясь, едва держась на ногах; его глаза то открывались, то закрывались опять.

Чтобы он отлежался, я посадил его в клетку, постлав туда травы. Он лёг на грудь, вновь стал умирать, вытягиваться, но вдруг — и, очевидно, страшным усилием — воспрял, забившись по

клетке в совершенном иступлении. Сгоряча он правильно распускал оба крыла, и я понял, что кости раненого крыла не сломаны. Это меня ободрило; затем, боясь, что Гуль искалечит себя, колотясь в тесном помещении, я вынул его из клетки и принёс в комнату. Чтобы поддержать силы Гуля, мы принялись насильно кормить его: Нина Николаевна раскрывала клюв, а я просовывал туда маленькие кусочки мяса, которые ястреб бессознательно стал глотать. Капля крови на шее оказалась следствием простой царапины; однако Гуль долго не мог поворачивать голову. Насильственное кормление продолжалось дней пять, затем Гуль стал есть рубленое мясо сам, а так как правая лапка его была ушиблена, то он клевал мясо с руки¹.

Левое крыло бессильно волочилось, правое держалось правильно подтянутым, но, видимо, болело — Гуль не взмахивал им. Мы посадили Гуля на небольшой камень, утверждённый по-

¹ Любопытно следующее: купив у охотника застреленных двух перепелов и дикого голубя, я давал птиц Гулю, когда ещё он был здоров. Ястреб отказался их есть. — А. Г.

середине чемодана; там он сидел на одной ноге. Опрятная птица принуждена была загаживать больное крыло, маховые перья которого болтались у неё под хвостом; двинуть крылом Гуль не мог. Иногда я брал ястреба и клал между колен; тут, в ямке, он засыпал, протянув голову поудобнее; иногда я устраивал ему ложе из ваты или из одеяла. Так как ночью Гуль беспокойно бродил по комнате, я стал сажать его в клетку с мягкой травой, подвешивая её к верёвке. Гуль очень смиренно сидел там, иногда ложась на грудь. Затем он был оставлен в клетке; там ему было спокойнее. Лишь иногда я вынимал птицу, чтобы хоть немного очистить загаженное крыло и хвост, делая это ватой, смоченной тёплой водой, — операция неприятная и болезненная, но необходимая.

Через десять дней после несчастья с Гулем мы переехали в город и посадили злого, как чёрт, кусающегося, измученного переездом ястреба на камень на подоконнике, среди герани и испанского камыша.

VII

Выздоровление Гуля протекало так медленно, как это было бы с человеком, изувеченным тигром. Гудь требовал неустанного попечения, и особенных забот требовало раненое крыло: чтобы маховые перья не съел едкий помёт, я каждый день очищал крыло мокрой ватой и насухо протираю его. Гудь пытался укунить руку; тогда я клал его на колени, головой к себе, прикрыв туловище рукой вместе с здоровым крылом (оно было, по-видимому, только ушиблено, так как Гудь недели через две свободно махал им и чистил его сам). Гудь кричал, если я неосторожно причинял ему боль, но обыкновенно он прятал голову в складку блузы и молча пощипывал материю; иногда выскальзывал из рук и, хлопая здоровым крылом, взбирался на плечо.

Шея его зажила; ещё не совсем свободно, но довольно живо Гудь начал вертеть головой, чистясь там, где мог достать клювом. Зажила лапка; ястреб хватал уже ею мясо и бегал по комнате не хромя. Незалеченным оставалось левое крыло. Насколько был глубок укус — исследовать не хватало

у меня мужества. Что связки и суставы целы, я убеждался в этом неоднократно, потихоньку оттягивая крыло за концы маховых перьев; крыло подбиралось правильно, но управлять им Гуль совершенно не мог; лишь очень постепенно, по истечении месяца он научился слабо подтягивать крыло, снова отпуская его затем висеть. Нина Николаевна советовала мне предоставить Гулю самому справляться с болезнью; по её мнению, я очень утомлял птицу своими опытами с крылом.

Так прошёл август. К 15 сентября Гуль оправился настолько, что чистил под крыльями, со стороны спины, оба крыла; больное крыло лежало у него правильно подтянутым, все перья были чисты без моей помощи. Я выносил ястреба на двор, на пустырь; Гуль, неровно махая крыльями, взбираясь на груды камней у забора, бегал по шесту, подвешенному между двух деревьев, слетал мне на руку, на плечо; он почти не кусался теперь, разве лишь если его дразнили, щупая шелковистые штанишки: штанишки Гуля действительно были очень приятны на ощупь. Видя такие успехи Гуля, я начал учить

его летать, в расчёте на то, что крыло зажило и только ослабело из-за долгого бездействия. Понемногу, но каждый день я заставлял ястреба взлетать с руки на табурет, стул, кровать, пользуясь всегдашним стремлением птицы садиться на возвышение. Усиленное кормление тоже помогло, и к концу сентября Гуль мог сам перелетать расстояние в три метра,— с подоконника на письменный стол. После этих упражнений его крыло слегка отвисало.

Должно быть, окончательно приручился и привязался Гуль к нам именно после несчастья, когда увидел, что руки человека, приближение которых раньше пугало птицу, кормят её, чистят и помогают передвигаться. Теперь можно отнять у Гуля мясо, не опасаясь укуса.

В таком неопределённом положении Гуль находился до 20-х чисел октября. Я поехал в Москву, пробыв в отсутствии 9 дней, и по возвращении увидел, что Гуль уже свободно перелетает комнату, садясь всюду, кроме высшей точки квартиры— верха буфета, куда подняться у него ещё не хватало силы. Оказалось, что без меня

ястреба не трогали, — он сидел спокойно на невысоком насесте, против окна, и сам каждый день упражнялся, слетая на пол, взлетая на кресло, стол, кушетку, а к ночи возвращаясь на свой насест. Спокойный теперь за судьбу Гуля, я стал меньше возиться с ним, — иногда, в виде сюрприза, чувствуя, что на плечо село что-то живое и чистится.

В первых числах ноября Гуль взлетел на буфет с плеча Нины Николаевны.

Немедленно я понёс его за двор, на пустырь. Гуль сидел на высоте поднятой руки. Взглянув, прищурясь, на небо, ястреб полетел невысоко над землёй и, одолев расстояние полквартила, сел на тумбу у винного склада. Я подошёл, Гуль охотно сел на руку и на плечо. Когда я подходил к дверям квартиры, он вспорхнул опять и сел на крышу противоположного дома. Никакими средствами не удалось заставить его слететь; ястреб чистился, осматривался и вертелся как балерина. Я ушёл в комнату, наблюдая за Гулем из окна. Забеспокоясь, ястреб прилетел на подоконник и скакнул на свою жёрдочку.

Весь день он летал по комнатам, садясь то на сливочное масло, то на лампу, то на рамы картин. Утром я выпустил его со двора, и Гуль, плавно взмахивая крыльями, скрылся по направлению к горам. Я был твёрдо уверен, что он вернётся. Действительно, как стало смеркаться, Нина Николаевна сообщила, что Гуль сидит на бельевом шесте, у крыльца. Взял его, покормил, посадил на жёрдочку. Совершив туалет, он завернул голову под крыло.

На другой день Гуль опять улетел рано утром и долго не возвращался. Пришлось лечь спать. Я беспокоился.

Надо сказать, что наши окна закрываются изнутри ставнями. Район глухой. Я дремал, и мне показалось, что выламывают стекло в моей комнате. Я зажёл лампу и открыл ставню. Это Гуль хлопал крыльями о стекло, сидя на карнизе; он запомнил окно, из которого, больной, так долго смотрел на улицу! Радость была велика. Впустили бродягу, покормили, и он домото сел на свою жёрдочку.

В следующие дни, выпуская Гуля, я сторожил вечером его возвращение — и убедился, что ястреб вначале приле-



тает на двор, садится там на дерево или шест. Он слетал ко мне на плечо, едва завидев меня.

Вскоре окна были замазаны, заперты; наступили холода. До весны ястреб будет жить в комнатах. Холодно ждать его возвращения; на дворе — снег, мороз до десяти градусов.

Большей частью Гуль сидит у меня на плече, иногда на раме большого зеркала. Любопытно, что отражение в зеркале не волнует Гуля: он остаётся равнодушен к отражённому ястребу. А как волновался он, когда, раненый,

в клетке, слышал однажды крик —
призыв своего друга, который тщетно
искал его! Гуль весь дрожал, увёл
голову в плечи, весь замер от муки и
горя...

Я уверен, весной они встретятся...



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» для школьников младшего возраста в 1973 году выходят следующие произведения русских писателей-классиков и фольклора:

Горький М. ДЕТСТВО ИЛЬИ.

Рассказы

Горький М. ПЕПЕ.

Из «Сказок об Италии»

Григорович Д. ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИК.

Повесть

Одоевский В. ГОРОДОК В ТАБАКЕРКЕ.

Сказки

СКАЗКИ ИЗ МУРОМА.

Ребята! Прочтите эти книги.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Грин (Гриневский Александр Степанович)

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЯСТРЕБА

Рассказ-быль

Ответственный редактор *Г. И. Гусева*. Художественный редактор *И. Г. Найдёнова*. Технический редактор *В. К. Егорова*. Корректор *В. Е. Калинина*. Сдано в набор 31/VIII 1972 г. Подписано к печати 17/1 1973 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 2. (Уч.-изд. л. 0,92). Тираж 600 000 экз. Бум. № 2. ТП 1973 № 163. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября 46. Заказ № 968.